

ВЕЧНЫЕ СОБЕСЕДНИКИ

Сейчас наш театр начал работать над пьесой Ю. Принцева «Мир, открытый на-

стежь», где зритель увидит Николая Островского, действующего вместе со своими героями. С радостью беруся за эту постановку. У меня сохранился портрет писателя, который я рисовал тотчас же после первого знакомства с его произведениями. Теперь этот облик Островского будет несколько иным — более философским, более психологичным. Но важно, что главным героем станет сам Островский. Мужественный боец. Вдохновенный художник. Умный собеседник, который еще многое скажет людям.

Так возникают «настолярные» книги, которые формируют наши убеждения, вкусы, пристрастия. Каждая новая книга — это не только информация о происходящем, но и вдумчивая беседа с автором о мотивах поступков его героев.

Для меня «настолярными» собеседниками, определившими выбор жизненной и профессиональной дороги, стали Лев Толстой и Михаил Шолохов, Николай Островский и Константин Паустовский, Мигуэль Сервантес и Шарль де Костер, Илья Ильф и Евгений Петров.

В нашем спектакле будоражащий желтый цвет только у Сирано. Этим еще больше подчеркивается его непримиримый конфликт с тупостью, бездарностью, коварством. Так родилась зрительная «преемственность» великих поэтов-бунтарей, которую люди, если даже не обнаруживают прямо, то инстинктивно, без сомнения, чувствуют. Чем больше читаешь, тем шире круг твоих собеседников, друзей, тем конкретнее и полезнее разговор с ними. С одними хочешь встречаться еще и еще, других бросаешь.

Д. АФАНАСЬЕВ,
художник Ленинградского театра имени Ленинского комсомола

ском театре имени Ленинского комсомола, я обнаружил в стихах Э. Ростана мятежные мотивы, свойственные и раннему Маяковскому. Не надо усматривать здесь каких-то прямолинейных аналогий, но желтая кофта моего Сирано навеяна знаменитой желтой кофтой молодого Маяковского, которой он бесил самодовольных буржуа.

взгляд, героя — с автора. Умный, талантливый писатель, с передовым мировоззрением становится вечным собеседником читателей разных поколений. С ним хочется сидеть рядом и поговорить, попросить совета.

Я вспоминаю десятки спектаклей, над которыми мне приходилось работать, и всякий раз прихожу к выводу, что творческая деятельность человека, как, впрочем, и вся его жизнь, во многом зависит от таких вот живущих на книжной полке собеседников.

Оформляя спектакль «Сирано де Бержерак» в Ленинград-

но приходил на помощь Григорьев, и тот оставался жив. Слишком уж больно было расставаться с этим человеком...

Многое, разумеется, в этих рисунках выглядело чересчур субъективно и по-юношески наивно. Но именно с тех пор я старался не просто читать, но и непременно «видеть» и изображать прочитанное. На моем столе возникали целые отряды бумажных фигурок — в них я пытался передать свою симпатию полюбившемуся герою и антипатию непонравившемуся. Я начинал обычно с главного, на мой

В СЕ началось с того, что в детстве мне в руки попал потрепанный журнал, где впервые были напечатаны «Два капитана» В. Каверина. Буквально потрясенный историей капитана Татарина и капитана Григорьева, я — к тому времени уже заядлый театрал — вдруг почувствовал жгучую потребность «перевести» повесть на язык театра и увлеченно взялся за карандаш. Персонажи Каверина «переселились» в мою тетрадь. Как и в книге, они боролись, дружили, мечтали, любили. Только «моему» Татарину в последний момент неожидан-

